

Молодой человек с удивлением приподнял бровь:

— Черная кровь?

Он поднес шприц к носу, принялся — пахло пронзительной свежестью снега и льда. Жидкость в шприце начала кипеть, бурление было настолько сильным, что казалось, будто она взорвется в следующую секунду.

Будто в резонанс с этим, мужчина резко согнулся пополам, ударившись лбом о жесткий холодный пол. Его зрачки расширились до предела, в горле вырвались странные звуки, а раньше бледная и прозрачная кожа начала покрываться темно-фиолетовыми пятнами. Затем на теле появились одна за другой тонкие трещины, словно на иссохшей земле севера, изрезанной оврагами.

— Блр!

Он изрыгнул черную лужу, все тело судорожно содрогалось, и он не мог выдать ни слова. Перед ним начала формироваться черная тень, блокируя весь попадающий к нему свет.

— Кх-кх-кх...

Молодой человек с трудом поднял голову. В его мутных глазах невозможно было различить белки и зрачки, но он смутно разглядел сгусток черного тумана. Туман приблизился, и ледяной холод, страшнее самой смерти, окутал его тело.

— Ты... ты что за существо...

— с трудом выдавил он, цепляясь за уходящее сознание.

Никто не ответил. Черный туман сплелся в тонкую нить и просочился внутрь сонной артерии на шее Сяо Мосянь. Словно получив мощный стимул, ее зрение, уже погружившееся во тьму, вдруг пронзили бледные вспышки.

Сяо Мосянь приоткрыла глаза и увидела, как черная нить, похожая на тягучую сахарную нить, ввинчивается в ее тело. Рядом лежал молодой человек, лицо которого исказила гримаса страдания.

Что... что происходит?

Она попыталась поднять руку, чтобы оборвать нить, но руки были вялыми, в них не было совсем сил.

Это тело... становится все более непонятным. Неужели оно бессмертно?

— с трудом подумала она, моргая от усталости. Она попыталась подумать о чем-то другом, но сознание было слишком затуманено.

Внутри разлился холод, черная нить начала рассеиваться. Сяо Мосянь почувствовала, как к телу возвращается немного сил, но их было недостаточно, чтобы встать.

— Хе-хе...

На ее губах появилась горькая усмешка. Неужели ей придется провести здесь ночь?

Она медленно закрыла глаза. Ладно, раз уж не может двигаться, то пусть поспит. Немного, совсем немного.

Внезапно ее нос уловил аромат цветущей ночного красавицы, словно легкий ночной ветерок коснулся сердца. На губы опустилось что-то мягкое, и горячая жидкость потекла по горлу.

Резко открыв глаза, она увидела перед собой, в увеличенном масштабе, изящное лицо. Глубокие, как холодный пруд, глаза были опущены вниз, прямой нос слегка покрыт мелкими каплями пота.

Она раздвинула зубы Сяо Мосянь, передавая в рот больше жидкости. Взгляд случайно скользнул по ее уже открытым глазам, и она отпустила ее. Полные губы сияли в свете лампы влажным блеском.

— Опять попала в неприятности?

Му Юйцзюнь без церемонии насмешливо произнесла, в уголках глаз играя знакомый холодный скепсис.

— Да,

— Сяо Мосянь ничего не сказала, лишь слегка улыбнулась ей. Мягкость, растаявшая в выражении ее бровей, заставила сердце Му Юйцзюнь дрогнуть.

Неловко отведя взгляд, Му Юйцзюнь взяла ее на руки:

— Я расскажу учителю, когда вернемся.

— Эй...

— Сяо Мосянь грустно опустила уголки рта, в глазах блестела мольба.

— Можно не надо?

— Нет,

— холодно отказала Му Юйцзюнь, уверенно огибая один поворот за другим.

— Больно~

— Сяо Мосянь продолжила давить на жалость, зная, как сильно милостива в своей слабости.

— ...

Му Юйцзюнь показала ей лишь свой острый подбородок, а в глазах, скрытых от ее взгляда, читалась необычная сложность.

— Зачем ты сюда пришла?

— Ну... случайно...

— Сяо Мосянь уткнулась лицом в ее плечо, пробормотав глухо. В голове она крутила мысли о том, как выкрутиться из этой ситуации.

— Сколько ты слышала из нашего разговора?

Она остановилась, ее взгляд уперся прямо в глубину ее зрачков, словно она что-то выверяла на допросе.

— ...

Сяо Мосянь неловко усмехнулась:

— Примерно всё.

— Хм,

— тихо отозвалась Му Юйцзюнь и продолжила идти, больше ничего не добавляя.

Между ними повисла атмосфера застоя и неловкого молчания.

— Старшая сестра... я понимаю твои чувства,

— Сяо Мосянь опустила глаза в ее объятиях и тихо сказала. Она понимала эту боль, пронзающую до самых костей.

— Хм,

— взгляд Му Юйцзюнь устремился в дальнюю черноту, в глазах выплеснулось множество тяжелых и невыразимых эмоций. Она плотно сжала губы, тело слегка дрожало.

Это был самый холодный день декабря.

Мне тогда было семь лет.

С того времени, как я начала помнить, я знала, что отношения между отцом и матерью были нехорошими. Отец редко бывал дома, а мать редко выходила за порог.

Каждый раз я видела мать, сидящую в плетеном кресле у окна в мансарде. Это было влажное и холодное место, где темно-зеленый мох вольно вился по стенам, увешанным паутиной самых разных размеров.

На губах матери всегда играла легкая улыбка, теплая, словно солнечный свет, медленно разглаживающий все мои страхи.

— Юйцзюнь, почему ты сегодня не пошла на утренние занятия?

Она заметила меня краем глаза, повернула голову и тихо спросила.

Я, семеня короткими ножками, неуверенно подбежала к ее ногам, схватившись за край одежды, и робко спросила:

— Вчера кто-то сказал, что я безотцовщина. Мама! Я правда безотцовщина?

Нежная рука с легкими мозолями коснулась моей головы, и успокаивающее чувство мгновенно растеклось от макушки по всем конечностям:

— Нет! У маленькой Юйцзюнь есть папа, просто его работа слишком занята, поэтому он не

может часто приходиться к тебе.

Мне было так приятно, что я, как ленивый котенок, в два счета взобралась к матери на колени и обвила ее шею ручками:

— Угу, если мама говорит, что нет, значит, это точно не так.

Да, дома всегда было так: если мама говорила, значит, это была истина. Каждое ее слово я почитала как истину вплоть до сегодняшнего дня.

— Мам, что тут такого интересного? Ты сидишь здесь каждый день!

— я надула свои нежные губки, чувствуя легкое недовольство. Мама никогда не играла со мной!

Изящный тонкий палец дотронулся до моего кончика носа, а затем раздался звонкий смех, похожий на перезвон ветряных колокольчиков:

— Моя маленькая Юйцзюнь ревнует?

Я недовольно опустила уголки рта и серьезно кивнула:

— Юйцзюнь ревнует, проглотила целую кадушку уксуса!

Женщина развернула мое тело лицом к окну, и в ее глазах, сияющих как звездное небо, заплясал самый прекрасный в мире свет:

— Видишь ли, здесь можно увидеть дорогу домой.

Я косо посмотрела в окно: серое небо, давящие и одинокие улицы, воздух был сплошь пропитан неприятным запахом гниения.

— Мадам, только что звонил хозяин, он вернется на обед,

— внезапно за спиной раздался голос старого дворецкого.

Я обернулась и без труда увидела на лице матери улыбку, более яркую, чем цветение ста цветов. Я поспешно соскользнула с материнских колен:

— Тогда я пойду в комнату переодеться.

Мать кивнула с улыбкой:

— Угу.

Затем она повернулась к старому дворецкому:

— Тогда я лично приготовлю для него пару блюд.

Каждый раз, когда отец возвращался, мне нужно было переодеваться, надевать эти сложные и роскошные красивые платья. Потому что ему не нравилась материнская небрежность.

В этот момент я стояла перед зеркалом, завязывая красивый бант на талии сзади.

В зеркале отражалась девочка с белоснежной кожей, изящными чертами лица и нежными

губками, словно лепестки сакуры, источающие соблазн.

Я кружилась на месте, край платья с цветочным узором очерчивал в воздухе красивую дугу, а колокольчики на ногах звенели мелодично.

— Тук-тук-тук.

За дверью послышался стук, и дверь открыли:

— Мисс, хозяин просит вас пройти.

— А! Папа вернулся?

Сердце вдруг забилось быстрее. Наконец-то вернулся папа, которого я не видела так давно! В глазах выступила влага, и я с максимальной скоростью бросилась вниз по лестнице.

Длинная винтовая лестница, на перилах которой были вырезаны узоры цветов, ступени были из шлифованного камня, и ходить по ним босиком было больно, каждый шаг отдавался ударом.

— Бам!

Услышался звук разбитого стекла, тот самый звонкий и пронзительный звук. Я резко остановилась и высунула голову за перила, глядя вниз.

<http://bllate.org/book/16618/1520313>